

таким подвижным составом. «Трень-брень» играют четыре сезона, «Малыш и Карлсон» — тоже. Играют по-разному. Хорошо, хуже. Совсем плохо. Совсем хорошо. Великолепно! Снова неважно. Спектакли здесь — живые. Они дышат, радуются, болят, выздоравливают, растут, взрослеют. Как во всяком живом организме, в них главное — мозг. Это режиссерская мысль. Четкая и очень честная. Всегда тот, кто в зале (все равно, сколько лет собеседнику: 12? 20? 45?), должен вместе с театром не только пережить душевное движение, но и осмыслить его.

Режиссер внимательно

«ВТОРАЯ — ПО СЛОЖНОСТИ...»

Эскиз к портрету

Т. А. МАХАРАДЗЕ —
главного режиссера Челябинского тюза

вслушивается в живую жизнь зала. Вслушиваться в то, чем живет его современник, режиссер привлек в действие, в общение. Он склонен к размышлениям весьма своеобразным: умеет, например, слушать внимательно собеседника, извлекая из его позиции что-то важное для укрепления своей, может быть, совсем противоположной. Его спектакли спорны, потому что в них не бывает штампов. Постоянно срывать стереотип — это принцип. Стереотип в прочтении пьесы и в восприятии зрителя взорван в этом тюзе изнутри. Вы идете смотреть классику, которая стала хрестоматийной? Постарайтесь пригласиться к тому, что сейчас вам расскажут знакомую историю, как совершенно незнакомую. Очень люби-

мая, зачитанная до дырок детская сказка? Оказывается, в ней можно увидеть совершенно незнакомые черты и вновь делать открытия.

Вы со школьной скамьи знаете Островского и Гончарова? Вы уверены, что все знаете об этих авторах, дорогие товарищи педагоги, которые приведут сюда учеников в воспитательных целях? Оказывается, вы ошибались: в пьесах старых мастеров можно сделать бездну открытий. Окунались вы в перевернутый мир «Обыкновенной истории»? Почувствовали, какой свежий ветер подул на вас со сцены, где бушевала «Гро-

дна: человек входит в жизнь и должен утвердиться в ней. Что в нем происходит? Ломка? Или проверка на прочность? Что ему нужно — гибкость или бескомпромиссность? Всегда — выбор, а сделать его надлежит тем, кто в зале. Зрителям.

Отлично знаю, что во многих тюзах нечего делать взрослому человеку: ему там скучно, даже если есть над чем думать рядом сидящему подростку. В театре Махарадзе пищи для ума хватает всем. Это потому, что он по преимущест-

ва? Задумывались, почему так случилось?

У Махарадзе не бывает пересказов. Всегда — свободное размышление. Размышление, как жанр: как отношение режиссера к выбранному материалу. Как принцип творчества. Он ведет исследования. Тема его — человек в мире взрослых. Поэтический мир неординарной девчонки — и мир адаптированного сознания взрослых. И то же — в спектакле классическом: пылающая неординарность Катерины, и мир приспособившегося, притерпевшегося ко всему равнодушного мещанства.

Образы всегда разные, мысль, их объединяющая,

она — в душе самого народа. И, уходя, уносишь с собой воспоминание о тревоге и чистоте, и долго еще память хранит образ спектакля, выраженный в его музыкальной партитуре. Быть нет в его спектакле, даже если идет Гончаров или Островский. Условность — манера трудная, она требует от зрителя воображения, культуры восприятия, культуры чувств, напряженности нравственной работы в театре. Зритель — юн и еще неопытен. Режиссер смело доверяет ему и не старается жизненной достоверностью привлечь его сочувствие. Графика или яркая многокрасочная палитра — это неважно, это зависит от требований материала. Но никогда — безусловность.

Помните? Шут несет любимой цветы. Упал. Цветы летят на землю. Хохочет улыба, надрываются в бессмысленном смехе фонари. Встал. Сделал несколько шагов. Упал снова. Заходит-

ся в смехе тупая пошлость, отвернулась любимая девушка. Но Шут встал, переборов что-то в себе, поднявшись над собой, идет к ней, в раскрытых руках несет что-то (цветы — красные!) — остались лежать на земле) — протягивает ей это трепетно несомое. И она тянет к нему руки, берет это что-то, бесконечно дорогое, смотрит с надеждой и пониманием. Пусть это случилось лишь в воображении героя — вы поняли? Неважно: главное — он что-то в себе преодолел, а вы вместе с ним проделали эту трудную духовную работу.

Спектакли Махарадзе современны. Не потому, что он выбирает новую, свежую пьесу. Нет, выбор пьесы часто кажется людям недалеким (даже и очень образованным) или осторожным («Детский же театр!» — пугаются такие зрители), спорным. А в них режиссер умеет увидеть современные, остро современ-

ные проблемы. Он ведет со своим молодым собеседником речь о главных проблемах века, о трудных проблемах.

Мне кажется, главная черта этого режиссера — чувство ответственности. Перед временем. Молодым своим современником. Перед искусством. Перед собой.

А учит он — сочувствию. Ответственность и доброта — так складывается из поставленных им спектаклей представление о качествах, которые он хочет воспитать.

Рост театра труден, как рост талантливого ребенка. Успехи. Неуспехи. Взлеты. Как на качелях. Это не опасно. Это рост. За этот рост можно быть спокойным: его готовит неравнодушный и ответственный художник.

М. СТУЛЬ,
ст. преподаватель института культуры.

Фото С. Роймана.

На снимке: момент репетиции.